

Неповседневная книга, или Вивисекция социалистического реализма

Иоскевич М. М. Социальный миф и повседневность в белорусской прозе советского периода / М. М. Иоскевич. – Минск: Белорусская наука, 2021. 301 с.

Теоретико-литературные исследования – всегда событие в белорусском литературоведении. Между тем в стремлении к развитию белорусской науке не отказать, причем к продвижению в парадигме европейских трендов.

Монография Марины Иоскевич посвящена проблеме повседневности в ее взаимодействии с социальным мифом. Автор обстоятельно характеризует основные направления исследования как феномена повседневности, так и явления социальной мифологии в гуманитарной науке, связывая интерес к данным проблемам с антропологическим и феноменологическим поворотами в современной гуманитаристике. В главе «Социальный миф: проблемное поле понятия. Советская социальная мифология» определяются функции социальной мифологии и, в частности, советского мифа, рассматривается его соотношение с традиционными мифами, выделяются основные идеологемы. В применении к литературному процессу давление социальной мифологии М. Иоскевич усматривает, с одной стороны, в расширяющемся со временем воздействии на авторское восприятие и изображение действительности, с другой стороны, в регламентации литературного творчества через цензуру. Далее характеризуется феномен повседневности в художественной литературе, согласно дефиниции автора монографии, «изображение регулярно повторяющихся жизненных практик персонажа (телесных, поведенческих, вербальных) либо группы персонажей (социальной группы, общности, нации и т. д.) в устойчивом положении фабулы, в совокупности личного и социального пространств, локализуемых в изображенном историческом времени, обусловленных ценностной ориентацией» (с. 68).

Исследовательская гипотеза книги заключается в том, что если социальный миф навязывал определенный фрейм восприятия повседневности, то непредвзятое изображение повседневных жизненных практик героев произведения вступало в противоречие с заданной социальным мифом схемой понимания действительности. Это противоречие, прежде всего, затрагивало авторское сознание

и ставило писателя перед необходимостью искать способы избежать искажения жизненной правды.

Для доказательства этой гипотезы автор монографии, опираясь на труды К. Леви-Стросса, Р. Барта, В. Проппа, М. Бахтина, а также белорусских ученых А. Кислицыной, Е. Городницкого, выявляет тип социально-мифологических произведений, в которых наиболее очевидно отразилось конфликтное взаимодействие социального мифа и изображенной повседневности в белорусской прозе советского периода, и показывает, что воздействие социального мифа на авторское сознание проявилось, прежде всего в композиционной структуре социально-мифологических произведений, построенной в соответствии с архаическим нарративом; в системе персонажей, организованной согласно бинарной оппозиции «свой – чужой», в основе которой лежит восходящее к мифу противопоставление «живой – мертвый». В то же время, по мнению М. Иоскевич, анализ особенностей акта рассказывания через обнаружение разновидностей «чужого слова» - «объектного», «идеологического» и «слова “чужих”», а также лексики с негативной коннотацией, направленной на обличение оппонентов, позволяет выявить авторскую позицию содействия либо противостояния по отношению к социальному мифу (с. 88-89).

Эта теоретическая конструкция прослеживается на материале произведений различных периодов белорусской литературы советского периода.

В 1920-е гг. влияние социального мифа проявляется в произведениях о революции. Такой корпус произведений был обязателен в любой национальной литературе СССР. Многие авторы создавали на эту тему квазихудожественный продукт, который вытянул бы аполитичные произведения, произведения, созданные по зову творческой души. Уже здесь М. Иоскевич демонстрирует, что ей важно всмотреться в романы не только известные (например, «Сокі цаліны» Тишки Гартного), но и полузабытые («Сын» Григория Мурашко). В таком подходе есть рациональное зерно. Ибо, как справедливо заметил Д. Дюришин, «второстепенные писатели <...> часто гораздо более показательны, чем первостепенные, потому что они <...> являют своим творчеством более откровенную и, как правило, более однозначную связь с канонами»¹.

---

¹ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М: Прогресс, 1979. С. 212-213.

Конец 1920-х – 1930-е гг. и послевоенное время обозначен произведениями о коллективизации. В отличие от книг революционной тематики, где требовалась идеологическая однозначность, здесь взаимодействие социального мифа и деревенской повседневности представлено в более сложном и пестром свете, неоднозначной предстает и авторская позиция.

Наконец, в 1970-е гг. развивается так называемый производственный роман, в котором, согласно М. Иоскевич, наиболее очевидно проявился кризис советской мифологии, вступившей в противоречие с изменившимся сознанием советских людей. М. Иоскевич показывает, что талантливым писателям удавалось следовать правде, как художественной, так и жизненной, именно благодаря изображению повседневности.

Монография М. Иоскевич вносит вклад в теоретическую разработку актуальной литературоведческой проблемы, предлагая целостный и непротиворечивый в методологическом отношении подход к анализу и интерпретации произведений, создаваемых под влиянием социальной мифологии. Значимым в книге является и новаторский подход к осмыслению белорусской литературы советского периода, который позволил увидеть драматизм творческого сознания писателей, оказавшихся в тисках идеологии и художественных директив социалистического реализма.

*Анатолий
Трофимчик*